

В отдаленном уголке Восточной области континента Линъюань небо едва начало светлеть, и утренняя заря еще не успела до конца разогнать ночной мрак.

Резкий, исполненный властности голос, подобно острому клинку, разрезал утреннюю тишину:

— Ах ты, проклятая девчонка! До сих пор дрыхнешь? Который час на дворе? Живо вставай и берись за работу!

Тан Сяньжань, погруженная в сладкий сон, вздрогнула от резкого окрика. Ее тело инстинктивно содрогнулось. В глазах еще стояла пелена сна, но в них уже проступил испуг. Она поспешно поднялась с охапки грубого сена, двигаясь суетливо и нервно, словно загнанный олененок. Не успев пригладить растрепанные волосы, девушка схватила лежавшую рядом обветшалую одежду и выбежала из тесной лачуги.

Утренний свет падал на хрупкую фигуру Тан Сяньжань. Подняв глаза, она увидела гору грязного белья — словно тяжелая скала, оно нависло над ней, не давая вздохнуть. Брови девушки едва заметно сошлись к переносице, в глазах мелькнула горечь, но пожаловаться она не посмела. Молча взяв принадлежности для стирки, Тан Сяньжань медленно опустилась на корточки и принялась за ежедневный изнурительный труд.

От тяжелой работы на лбу быстро выступили мелкие капли пота. Хрустальные бусины скатывались по бледным щекам и исчезали в иссохшей земле.

В этот момент донесся завистливый голос тетушки Пан:

— Эта девчонка с каждым днем становится всё краше, ну настоящая лисица!

В ее словах сквозила злоба, но в душе тетушка уже строила планы: чем красивее станет Тан Сяньжань, тем дороже ее можно будет продать. При этой мысли на лице женщины появилась торжествующая улыбка, а тон стал не таким язвительным.

Тан Сяньжань исполнилось пятнадцать. Ее детство было полно лишений. Отец жестоко бросил их с матерью, когда она была совсем маленькой, а вчера не стало и ее единственной опоры — матери. Перед смертью мать вложила в руку дочери ожерелье — подарок отца, их символ любви. Она сказала, что отец был вынужден уйти ради их же безопасности. Услышав это, Тан Сяньжань не возненавидела отца, а лишь укрепилась в желании выжить. Она знала: раз приходится жить под чужим кровом, нужно терпеть, поэтому работала она всегда усерднее всех.

Вскоре, благодаря упорству, Тан Сяньжань закончила со всей горой белья. Она обессиленно прислонилась к дереву, чувствуя, как тело стало мягким и ватным. Потерла лоб рукавом, в этом жесте сквозили безнадежность и усталость.

Тан Сяньжань унаследовала красоту матери: тонкие черты лица, изящные линии, словно у произведения искусства. Личико сердечком, кожа белая и нежная, губы — как лепестки вишни. А особенно хороши были ее глаза с изогнутыми уголками, в которых, казалось, таилась бесконечная нежность. Стоило ей лишь слегка улыбнуться, как сердца юношей начинали биться чаще. Однако из-за постоянного недоедания тело ее было слабым, а лицо — бледным, как бумага.

Но в сердце ее жила великая мечта: стать могущественным укротителем зверей, выбраться из этого места, где она столько настрадалась, и найти отца. Каждый раз, вспоминая об этом, она чувствовала, как по телу разливается тепло — словно луч света в темноте, дарующий надежду.

Внезапно ее мысли прервал топот шагов. Тетушка Пан подошла к ней тяжелой поступью, на лице блуждала недоброй памяти улыбка. Посмотрев на девушку, она проговорила:

— Тебе скоро шестнадцать, возраст невесты. Я уже нашла тебе жениха, так что выйдешь замуж!

Слова тетушки прозвучали как гром среди ясного неба. Тан Сяньжань застыла, словно окаменев. Глаза ее широко распахнулись, в них читались ужас и отчаяние.

— Нет! Нет! — она яростно замотала головой, слезы брызнули из глаз, голос дрожал от безнадёжности.

Лицо тетушки Пан, до этого казавшееся сносным, мгновенно помрачнело. Не желая тратить время на препирательства, она бросила напоследок:

— Завтра выйдешь замуж, хочешь ты того или нет!

Сказав это, она развернулась и ушла, оставив Тан Сяньжань стоять в оцепенении. Девушка, словно потеряв душу, поплелась в лачугу, забилась в угол, и слезы хлынули потоком. Она не смела рыдать в голос, лишь тихо всхлипывала, дрожа, как раненая птица. В сердце царил отчаяние, она звала мать:

— Мама... что мне делать? Мама... я так скучаю по тебе...

Усталость от работы и душевная боль взяли свое, и Тан Сяньжань начала засыпать. Она повалилась на сено и, вспоминая мать, незаметно провалилась в сон.

Неизвестно, сколько времени прошло, но вдруг она обнаружила себя в удивительном мире. Вокруг сияло звездное небо, прекрасное, как мечта; таких картин она никогда не видела. Исполненная любопытства, она прошептала:

— Я сплю? Какое красивое место! А там, кажется, хрустальный шар?

В этот момент под ее ногами возник прозрачный помост и плавно поднял ее вверх. Она невольно приблизилась к шару, висевшему в пустоте. Тан Сяньжань коснулась его тонким пальцем. Раздался хрустальный звон, и шар, словно хрупкое стекло, рассыпался на части. Осколки, ведомые неведомой силой, разделились на две кучки, примерно по десять в каждой.

— А! — воскликнула девушка, когда осколки слева вдруг озарились ослепительным светом, жарким, как солнце.

Она зажмурилась, прикрыв лицо рукой. Вслед за этим осколки справа источили темную ауру, создав резкий контраст. Привыкнув к свету, Тан Сяньжань осторожно открыла глаза и увидела удивительную картину равновесия тьмы и света.

— Это... — она замерла, приоткрыв рот от изумления.

В этот миг на земле возникла диаграмма Инь-Ян, которая начала медленно вращаться. Символы на ней светились таинственным светом, словно вещая о древних секретах.

— Инь-Ян? Свет и тьма? Что это такое?

Не успела она додумать, как из обеих кучек осколков вырвались золотой и черный лучи, подобно молниям ударив ее в живот. Тан Сяньжань почувствовала острую боль, будто внутри нее ворочались тысячи клинков. Она выплюнула кровь, которая, попав на диаграмму, заставила ту вспыхнуть странным светом. Силы света и тьмы влились в диаграмму, и та закружилась с бешеной скоростью. Тан Сяньжань не выдержала, обмякла и упала на диаграмму, теряя сознание.

В темноте прошло немало времени, прежде чем теплый солнечный луч, пробившись сквозь щели лачуги, упал на лицо девушки. Она открыла глаза, осознав, что наступил новый день. Потирая глаза, она пыталась вспомнить странный сон.

— Что со мной? Что это был за сон? — пробормотала она в недоумении.

В этот момент перед ней появился маленький черный зверек. Он смотрел на нее большими глазами, словно изучая. Затем он развернулся и пошел прочь. Тан Сяньжань догадалась: это ее дух-спутник. Не раздумывая, она поспешила за ним.

— Не ходи за мной! — вдруг услышала она голос зверька.

Девушка была поражена — она понимала его! Зверек, заметив ее ошеломленный взгляд, презрительно фыркнул:

— Мы общаемся через контракт. Ты даже этого не знаешь? К тому же ты такая слабая, ты не достойна быть моей хозяйкой!

Тан Сяньжань не могла поверить своим ушам. Она знала, что духи-спутники должны быть преданы хозяину, это было заложено в человеческих генах. Уперев руки в бока, она возмущенно воскликнула:

— Эй, я вообще-то твоя хозяйка! Как ты смеешь так со мной разговаривать?

Но этот черный зверек был совсем не таким, как другие. Бросив на нее холодный взгляд, он исчез в лесу:

— Мне не нужна такая слабая хозяйка. Лучше буду полагаться на себя, чем становиться сильнее вместе с тобой!

Тан Сяньжань застыла, глядя вслед убегающему зверьку. Вся накопленная обида и горечь хлынули потоком. Слезы покатились из глаз, голос дрожал от отчаяния:

— Разве не говорили, что дух-спутник — самый верный друг на всю жизнь? Что он никогда не предаст? Почему... я ведь еще даже не стала укротителем, мне нужно уйти отсюда, найти отца!

Горький плач девушки разносился по лесу. Ее решимость пошатнулась. Она осела на землю, заливаясь слезами, чувствуя, как рушится мечта.

— Нет, я должна собраться. Я... я обещала маме, что буду жить! Будь сильной, Тан Сяньжань! Ты не можешь сдаться здесь!

Вскоре она нашла в себе силы подбодрить себя. Стиснув зубы, она поднялась, вытерла слезы и шмыгнула носом. Она сказала себе, что еще не все потеряно.

В этот момент появилась тетушка Пан. Ее разбудил плач девушки, и она была в ярости. Увидев Тан Сяньжань, она закричала:

— Чего ревешь, проклятая девка? Спать мешаешь! Будь ты проклята!

Тетушка была вне себя. Она выхватила из-за пояса кнут и с силой ударила им в сторону девушки, желая проучить ее. Это был не только гнев из-за пробуждения, но и досада из-за вчерашнего отказа.

Тан Сяньжань в отчаянии закрыла глаза. Ей стало так больно и тоскливо, что она даже пожелала, чтобы этот удар убил ее — тогда не пришлось бы больше терпеть мучения, она могла бы уйти к маме.

Хлест!

Звук удара кнута о воздух донесся до ее ушей, но боли не последовало. Она с любопытством открыла глаза и увидела перед собой золотистое существо. Оно излучало мягкий свет, словно маленькое солнце. Зверек схватил кнут своей крошечной лапкой и с силой дернул — прочное оружие мгновенно порвалось. Затем, сжав кулачок, он ударил тетушку Пан в живот.

Мощная сила, подобно приливу, отбросила женщину прочь. Она пролетела по дуге и тяжело рухнула на землю, изо рта ее потекла кровь, лицо исказилось от ужаса.

— Ах ты, паршивка, научилась огрызаться? Ну, погоди! — выкрикнула тетушка и, прихрамывая, бросилась наутек.

Она не ожидала, что Тан Сяньжань пробудила духа. Женщина знала: если не пригласить укротителя, чтобы подавить девчонку, рано или поздно та сядет ей на шею.

Тан Сяньжань смотрела на золотистого зверька с восхищением. Тот лизнул ее палец, проявляя нежность.

— Какой милый, как тебя зовут? — мягко спросила она.

— Я — Дух Света, твой спутник на всю жизнь, твой верный друг! — радостно ответил зверек, голос его звенел, как серебряный колокольчик.

Тан Сяньжань замаялась. Мать говорила, что в шестнадцать лет есть шанс пробудить духа, но обычно он бывает только один. Она вспомнила черного зверька, который ушел от нее.

— Если ты мой спутник, то кто был тот... — начала она.

Дух Света, кажется, понял ее сомнения:

— Это был Дух Тьмы. У тебя двойной дух-спутник, поэтому их двое. У нас ментальный контракт. На правой руке у тебя метка тьмы, а на левой должна быть метка света!

Услышав это, Тан Сяньжань все поняла. Она не могла поверить в такую удачу — пробудить сразу двух спутников! Она крепко обняла Духа Света, боясь, что и он уйдет.

— Ты чего? — удивленно спросил зверек.

Тан Сяньжань с грустной улыбкой ответила:

— Один уже сбежал, я не могу потерять второго!

Дух Света беспомощно вздохнул, опасаясь, что его хозяйку когда-нибудь обманут.

— Отпусти меня, я не убегу. Если не веришь, давай поклянемся! — предложил он.

— Хорошо! — Тан Сяньжань протянула мизинец, сцепила его с пальцем зверька и серьезно произнесла: — Клянемся на мизинцах: сто лет не обманывать!

После клятвы она наконец отпустила его. Дух Света серьезно посмотрел на нее:

— Однажды ты встретишь Духа Тьмы. Я заставлю его вернуться. Ты должна постараться, чтобы он признал тебя. А если не захочет — я побью его, пока не вернется! Это наш договор.

— Угу! — Тан Сяньжань решительно кивнула, в ее глазах снова зажглась надежда.

<http://bllate.org/book/18747/1813680>